

альманах. СПб., 1991. С. 281–286; *Морева Л. М.* Язык молчания // Там же; *Кибрик А.* Молчание как коммуникативный акт // Действия: Лингвистические и логические модели. М., 1991; *Лазарев И.* Реплика и молчание // Проэктор, 1916, № 22; *Михайлова М. М.* Молчание как форма духовного опыта (Эстетико–культурологический аспект). Автореферат <...> канд. филос. наук. СПб., 1999; *Нойман Э.* Общественное мышление: открытие спирали молчания. М., 1996; *Саврамис Демосфен.* Сила религиозного (молитвенного) молчания // Вестник РХД. Париж, 1974. № III (1). С. 17–32; *Семаева И. И.* Традиции исихазма в русской религиозной философии первой половины XIX в. М., 1993; *Серкова В.* Классический исихазм и парадоксы молчания // Siletntium. СПб., 1997. Вып. 3. С. 308–314; *Соболевская Е. Н.* Трансформация мотива «молчания» как единство поэтического текста (Пушкин – Вяч. Иванов – Цветаева) // Русская литература. СПб., 1995. № 1. С. 203–209; *Софронов Ф. М.* 1) О происхождении и границах «незвучащего» в новоевропейской музыке // Новое литературное обозрение. М., 1994. № 9; 2) Молчание и речь: апофатическая позиция // Встреча с Декартом. Философские чтения, посвященные М. К. Мамардашвили (1994). М., 1996. С. 137–142; *Хоружий С. С.* Диптих безмолвия. М., 1991; *Эпштейн М. Н.* Слово и молчание в русской культуре // Звезда, 2005. № 10. С. 202–222; *Эстерберг Э.* Молчание как стратегия поведения // Мировое древо. М., 1996. Вып. 4. С. 21–42; *Эткинд Е. Г.* «Внутренний человек» и внешняя речь: Очерки психоэтики русской литературы XVIII—XIX в. М., 1998; *Яковлев Е.* Эстетика молчания, тишины и покоя // Яковлев Е. Эстетическое как совершенное. М., 1965.

Москва/Петербург

Ведущая антитеза диалогического бицентризма русск. культуры. Спор столиц насчитывает три века, он отражен во множестве текстов, начиная с прозы Е. Дашковой, писем Екатерины II и обращенного к ней трактата кн. М.М. Щербатова «Прошение Москвы о забвении ея» (1787). Древняя столица, покинутая русскими государями ради новой, тяжело переживала это событие, но исконное кровнородственное мироощущение москвичей избавило их от возможного комплекса сиротства. «Языки» М. и П. стали средством идеологической, литературной и художественной полемики. Патриотизм славянофилов (а позже – публицистика консерваторов и неонародников) окрасилась в специфично московские интонации. Западники предпочли связать будущее России с европейской, т.е. петербургской, перспективой. М. стала живым музеем отечественной памяти, а П. – тревожащим душу источником грозных перемен. В М. ездили за покоем и душевным комфортом, за отдыхом, а в П. – делать дела (эти роли порой менялись). Дерево М. и камень П. на какое-то время стали полярными архитектурными символами русского зодчества и стилей жизни. Наиболее существенные тексты, отражающие диалог столиц в XIX в., принадлежат В.Ф. Одоевскому (1835), Н.Б. Герсеванову (1939), М.Н. Загоскину (1841), А.И. Герцену (1842), Н.В. Гоголю (1844), В.Г. Белинскому (1844), А.А. Григорьеву (1847), Н.А. Мельгунову (1847), И.И. Панаеву (1840), К.С. Аксакову (1856), Ф.Ф. Вигелю (1859), А.С. Хомякову (1859), И.Г. Прыжову (1861), П.Д. Боборыкину (1881), В.М. Гаршину (1882), Н.П. Аксакову (1886). Почвенная изначальность стихийно растущей М. традиционно противостоит в мире ценностей русской культуры городу, воздвигнутому на рекорд здравому смыслу – сплошь искусственному, рационально организованному П. Антитеза органического и неорганического, в контексте которой разворачивается диалог столиц, отразилась в описаниях города на Неве. Ведущим элементом петербургского мифа стала апокалиптика. Репутация П. как Града беззакония связана с восприятием Петра I как Антихриста, подменного царя и государя–самозванца. Чем чаще припоминали москвичи о М. – Третьем Риме, тем больший ужас внушала с дьявольской помощью из ничего возникшая новая столица, грозившая

обернуться Римом Четвертым. В борьбе за «римские» приоритеты М. обрела новую мифологию – контексты «Города-Феникса», в которых осмыслялась после 1812 г. послепожарная столица. Восставшая из пепла М. на долгое время привлекла внимание всего мира, как отметил Герцен в памфлете «Москва и Петербург» (опубл. в 1859). Тему «М. – Феникс» обыгрывали К. Аксаков, Вл. Бенедиктов, Н. Языков, а также Дж. Байрон. Образ Града Несгораемого достиг и XX-го в. (Вяч. Иванов). Контрастным фоном для М. – Феникса послужила петербургская мифология Обреченного Града, осложненная еще одним ценностным стереотипом мирового города, в котором П. осмыляется как носитель «цивилизации» и, стало быть, как энтропийный оборотень «культуры». Это – «Город-Вавилон». Образ Вавилона в раннюю пору диалога столиц не сразу находит «свою» смысловую корреспонденцию (см. стихи Ф. Иванова). Сцепления Вавилона с М. встречаются и позднее (М. Лермонтов), но со временем многоязычный и суетливый П. все более прочно связывается с судьбой наказанного за свою гордыню и рассеянного по земле грешного библейского города (Быт. 11, 1–9). «Роскошным Вавилоном» назвал его А. Бестужев–Марлинский; для Н. Огарева П. – это «Новый Вавилон»; сходные интонации – у Герцена. Цивилизаторский энтузиазм Новой Столицы был воспринят апокалиптически. «Цивилизации», – записал Ф. Достоевский на принадлежащем ему экземпляре «Откровения» Иоанна Богослова. Город-цивилизатор в ожидании Страшного Суда – таков П. Достоевского и таков же он у Н. Языкова. Картины разрушения некоей древней столицы даны в мистерии В. Печерина, которую автор назвал «языческим Апокалипсисом». Образ Града Обреченного суммирует в себе символы Страшного Суда и конца света, Четвертого Рима и Вавилона. В XX в. пророчества о скорой гибели столицы вновь вошли в моду. Действительность вокруг горожанина нач. века зазвучала голосами Апокалипсиса (В. Розанов, А. Крученых, Б. Савинков, В. Брюсов, А. Блок). Фальконетов монумент – центральный символ Града Обреченного – слился в сознании носителей катастрофического мироощущения со Всадником из «Откровения». Градостроительная математика города на Неве традиционно противостоит здесь «кривому» пространству М. В городе Петра торжествует в своем мироустроительном начале Число-Логос. Но П. – Город-оборотень, поэтому и числа его (древние знаки совершенства и порядка) обратились у Е. Иванова в свою противоположность – в символ энтропийного, на грани безумия живущего города. На этом фоне усилилась партия М., ее голос начинает звучать в тонах утешения и надежды. Город почвенного обетования и национальной жизнестойкости, в противовес беспочвенной и бесосновной гордыне Северной Пальмиры, – такова М. в философском мемуаре Б. Эйхенбаума, в эссе П. Муратова, В. Тана-Богораза). Реставрируются старые контрасты столиц: о М. говорят как о разнородно-органическом существе, о П. – как об однородно-отчужденной каменной пустыне. О М. – в интонациях нежности и благодарения, о П. – как о мучительной любви. Все более определено П. осознается как Город-Жертва, каменный каприз, воздвигнутый на зыбкой стихии. XX век приносит мистериальное восприятие Северной столицы: Петр I обретает черты Космократора, Нева – безликой стихии Хаоса, архитектурная громада Города – картины единократного мирового зодчества, в замысле которого – погубить всякую малую частность. Из П. правил Империей Петр-Антихрист, потому столица осталась вечным топосом власти Князя Тьмы и его зловещих вестников, – так полагают Д. Мережковский, Д. Аркин, авторы сб. «Петербург и Москва» (1918). Эмиграция увезла с собой петербургскую апокалиптику. Когда для зарубежной печати большевистская Россия утвердилась в качестве факта,

П. припомнили его грех европеизма. Вновь, как в памфлетах XIX в., выходит на первый план антитеза Города и страны (Ф. Степун). Для Г. Федотова П. также есть «Рим», и потому он воссоздает картину киевско-азиатско-западной Империи, соединившей в своих географических и исторических горизонтах духовный опыт и государственность рас-антиподов, племен-родичей, наций-врагов и наций-друзей. Результатом этого синтеза, полагает Г. Федотов, стало формирование в России культурных центров более азиатских, чем сама Азия (М.), и более европейских, чем сама Европа (П.). Пусть Святая София Киевская, полагает философ, напомнит нам об утраченной чистоте греческого православия и спасет нас, как от гордого национального самодовления (М.), так и от латинского цивилизаторства (П.). Модному в эмигрантских кругах апокалипсису культуры противостоит Е. Замятин, исторический оптимизм которого окрашен внутренним сомнением; тем отчетливее звучит в его прозе пассаеистическая нота. На позиции пассаеизма стоят В. Вейдле и архим. К. Зайцев. Страх и ужас перед будущим преодолеваются в историческом катарсисе. Петербургский Апокалипсис, как и судьба святой московской земли, не завершены: они стали для нас живой эсхатологией надежды. Душа М. и гений П., образовавшие двуголосие и внутренне напряженный диалог русской национальной культуры, стоят теперь на пороге новых голосовых инициатив.

Тексты: *Анциферов П.В.* 1) Душа Петербурга, 1922; 2) Петербург Достоевского, 1923; 3) Быль и миф Петербурга, 1924; *Аркин Д.* Град Обреченный, 1917; *Бестужев-Марлинский А.А.* Подражание первой сатире Буало, 1819; *Вейдле В.В.* Петербургские пророчества, 1939; *Герцен А.И.* Москва и Петербург (опубл. в 1859); *Зайцев К.И.* В сумерках культуры, 1921; *Замятин Е.* Москва-Петербург, 1933 <опубл. в 1963>; *Зозуля Е.* Гибнущие ризы, 1918; *Иванов Евг.* Всадник. Нечто о городе Петербурге, 1906; *Иванов Вяч. И.* Москва, 1906; *Иванов Ф.* На разрушение Москвы, 1812; *Лермонтов М.Ю.* Панорама Москвы, 1833-1834; *Лукаш И.* 1) Невский проспект, 1918; 2) Сны Петра, 1931; *Мережковский Д.С.* «Быть Петербургу пусто...», 1908; Москва и Петербург. Сб. статей. Петроград, 1918; *Муратов П.П.* Красота Москвы, 1917; *Огарев Н.П.* Забытье, 1862; *Печерин В.С.* Торжество Смерти, 1833; *Потапенко И.* Проклятый город, 1918; *Степун Ф.А.* Николай Переслегин, 1929; *Тан (Д. Богораз).* Чрево Москвы, 1922; *Федотов Г.П.* Три столицы, 1929; *Щербатов М.М.* Прощение Москвы о забвении ея, 1787; *Эйхенбаум Б.М.* Душа Москвы, 1917; *Языков Н.Я.* Мой Апокалипсис, 1825.

Исследования: *Артемьева Т.В.* Философия «московская» и «петербургская» // Метафилософия, или Философская рефлексия в пространстве традиций и новаций. СПб., 1998. С. 318-329; *Метафизика Петербурга.* СПб., 1993; Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 1. СПб., 1994; Петербург как феномен культуры. СПб., 1994; Москва / Петербург: pro et contra. Диалог столиц в истории национального самосознания / Сост., вступ. ст., комм., библиограф. К.Г. Исупова. СПб., 2000; Проблема «Москва – Петербург в русской культуре». Исследования, публицистика, мемуары конца XVIII – начала XX в. / Сост. И. Л. Беленький // Россия и современный мир, 1993. № 3. С. 242-253; № 4. 322-321; *Смирнов С. Б.* Петербург – Москва. Сумма истории. СПб., 2000; *Classen C. J.* Die Stadt im Spiegel der Descriptionen und Landes urbium in der antiken und mittelalterlichen Literatur bis zum Ende des zwoelften Jahrhunderts. Hildesheim; New York, 1980. – 128 S.; Nordost—Archiv: Nordost-Institut, Luneburg, 2003. Bd. XII.